

Валерия Мухина

ПОПЫТКИ К ДИАЛОГУ: ПОЖИЗНЕННО ОСУЖДЕННЫЕ ОБЩАЮТСЯ С ДЕВИАНТНЫМИ ПОДРОСТКАМИ

Аннотация. Приводятся рефлексии пожизненно осужденных на своё общение с трудными подростками. Осужденные делятся с психологом своими сомнениями, переживаниями и возникающим чувством привязанности к конкретным мальчикам-подросткам с несложившейся жизненной ситуацией. Приводятся первые попытки вступить в контакт с мальчиками, лишенными родительского попечительства (или с мальчиками-сиротами).

Ключевые слова: пожизненно осужденные; девиантные подростки; рефлексии осужденных пожизненно на себя и на подростков; аномия; попытка к диалогу.

Abstract. Reflections of imprisoned for term of life on their communication with difficult teenagers are given. Imprisoned share their doubts, experience and arising attachment feeling to concrete boys-teenagers with unset life situation with psychologist. The first attempts to contact the boys, deprived of parental care (or orphaned boys), are described.

Keywords: imprisoned for term of life; deviant teenagers; reflections of imprisoned for term of life on themselves and on teenagers; anomaly; attempt to dialogue.

Предваряя рефлексии на общение осужденных с подростками посредством писем, выстраивающих диалоги между ними, полагаю необходимым напомнить, что лично я долгие годы общалась с моими подопечными-осужденными. Наши отношения выстраивались на обоюдном стремлении к доверию. Многие годы в журнале «Развитие личности» я публиковала своё видение ситуации жизни осужденных в условиях строгого режима, своё видение особенностей их взаимоотношений друг с другом, своё понимание преступления как следствия абсолютного отчуждения, особенно нашего стремления к доверительному общению. Я анализировала метаморфозы эмоциональных состояний пожизненно осужденных. Обобщая опыт нашего общения в посвященной им книге, я писала о душевном движении некоторой части из их числа от повреждения самосознания к душевному росту... и обратно. И снова к душевному росту [1].

В известном отношении здесь следует вспомнить о понятии *аномия*, введенном в социологию Э. Дюркгеймом. Речь шла об общем состоянии дезорганизации общества или отдельного человека в отношении к обществу, которому присущи недостаток веры в ценности или цели, а также утрачена эффективность нравственных установок, регулирующих как коллективную, так и индивидуальную жизнь [2, с.223 – 262]. Понятие

аномия было рассмотрено также Р. Мертоном в качестве социальной ситуации и индивидуальной ориентации, не соответствующих определяемым культурой целям [3, с.31].

Аномия общества и отдельных его представителей приводит к несчастью и общественным нарушениям. Аномия касается как взрослых, так и подростков, которые живут в асоциальных семьях и характеризуются беспризорностью. В СССР и в современной России проблема аномии и беспризорности сосуществует в непрерывающейся связи начиная с первых дней советской власти и по сей день [4].

Мы сочли правильным включить в наш проект [5] блок «Диалоги...». Пожизненно осужденные и трудные подростки имеют шанс на взаимопонимание.

Прошло более 13 месяцев после начала этой части проекта, когда пожизненно осужденные сделали первые шаги к началу общения с подростками. В переписке участвовали все осужденные, которым было предложено попробовать начать по-настоящему опекать трудных подростков, попытаться предупредить их о возможной потере свободы и лишении себя перспективы свободной жизни в нормальных условиях.

Недавно я получила от некоторых своих подопечных (пожизненно осужденных) рефлексивные письма по поводу их переживаний в отношении переписки с подростками. Эти попытки разобраться в себе, в своем отношении к конкретному подростку, с его непростой жизненной историей, с его личностными особенностями, безусловно, есть еще одна возможность к душевному выздоровлению.

Приведу письма трех моих подопечных, посвященные мыслям и чувствам о подростках.

Письмо от Алексея Л.

(Письмо №53, адресованное мне – В.М.)

6 января 2013 г.

Алексей Л. написал своим мальчишкам по 10 писем.

«Дорогая Валерия Сергеевна, здравствуйте!

Наступил 2013 год, скоро Рождество Христово, новогодние праздники в самом разгаре, а у нас как всегда завал с работой, которую делаем с радостью и удовольствием, потому что не было бы работы, была бы точка на стене. Куда смотрел бы я... смотрел, смотрел и досмотрелся бы в итоге до таких вещей, о которых писать ни за что не стал бы. Буду радоваться своему сегодняшнему состоянию, своим светлым мыслям<...>.*

Мне кажется, что «все зарытые собаки» крутятся вокруг моих иркутских мальчишек Ярослава и Алексея. Вот уже целый год длится

* Много лет назад Алексей из-за отчаяния и глубокой скорби уходил в состояние, которое я определила как *тюремный аутизм*, когда он (как и некоторые другие осужденные) переживал патологическое состояние, которое меняло самосознание осужденного. О невыносимой сути пожизненного осуждения и тюремном аутизме я писала в книге «Отчужденные: Абсолют отчуждения», посвященной в первую очередь осужденным пожизненно [1, с. 147–221].

моя с ними переписка. Кстати, мы всем скопом – Андрей, Саша, Гоша и я – в один день (16 декабря 2012 г.) получили письма от своих парней, соответственно я получил пятое письмо от Алексея и четвёртое от Ярослава (пусть будет такая нумерация). Весь прошлый год моя жизнь была связана с жизнью Ярослава и Алексея.

Вы хотите знать, какое место они заняли в моей жизни? Как повлияли мальчишки на эту мою жизнь? и т.д. и т.п...

Трудный вопрос. Очень трудный. Для меня, по крайней мере. Я пытаюсь понять и дать ответ. Не судите строго за стиль и за возможные «крамольные» мысли.

У меня 16 лет назад были дом, семья, работа. Было счастье, была любовь. Не пришлый враг все разрушил и погубил. Нет. Это сделал я сам, своими собственными руками. Не осталось ничего наяву. Всё получило своё продолжение... только в воображении: дом, семья, работа... С каждым годом мой сын вырос и делал новые успехи...

Когда ему исполнилось 15 лет, в моей жизни появились 15-летние Ярослав и Алексей. Уже реальные. У каждого сложился свой уникальный, сложный характер, своё особое мировоззрение, привычки и склонности, увлечения и «бязки». Это тебе не виртуальный Тамагочи, которого можно воспитать под себя. Это живые человеки!

Я оказался не готов к такому резкому повороту фокусировки. Как начинать общение с ними? Мне казалось, что меня элементарно пошлют: «Послушай, дядя! Ты кто такой, чтобы учить нас жизни и чему-то там правильному? Сидишь? Вот и сиди, не рыпайся, радуйся, что не расстреляли». Ну, примерно так.

Пытался представить на их месте своего сына – ему-то мне легче было бы написать... Ничего не вышло, не прошла такая замена в моей голове. Пришлось искать другие пути для контакта, вернее не столько для контакта, сколько, прежде всего, убедить себя самого в беспочвенности своих опасений насчет «Послушай, дядя!» – и в результате я написал свои первые письма Ярославу и Алексею. Интересно конечно знать, как они отреагировали на эти первые мои послания? Жаль, что я не видел их реакций по прочтении моих первых слов к ним!.. Слава Богу, что ответили!!!

Вслед за первым послал второе письмо, потом третье, к концу года получилось написать десятое.

Да, вот уже целый год они в моих мыслях. Не будет никаким преувеличением сказать, что думаю о них каждый день: как там у них день проходит, чем занимаются, поэтому не могу писать им письма отстраненно, словно в официальную инстанцию. Нет, не могу... Пишу им сейчас как очень хорошим знакомым, абсолютно не претендуя на роль своего рода отца-наставника. С одной стороны мне кажется, что я знаю их всю свою жизнь, они знают меня, просто мы очень далеко друг от друга и поэтому вынуждены переписываться. С другой стороны, думаю, что я для них инопланетянин.

Валерия Сергеевна, да, именно такие вот мысли у меня и я их не скрываю от Вас, не пишу, что эти мальчишки стали мне родными! Ведь письма – это обоюдное слово, оно должно быть взаимным... Я понимаю, что никогда

не стану для Ярослава и Алексея «авторитетом». Хотя... пару раз мелькала в самодовольном альтер эго скользкая мыслишка: вот вырастут Ярослав с Алексеем нормальными людьми, появятся у них свои сыновья и, когда им исполнится по 15 лет, отцы скажут им: «Знаешь, сын, когда мне было столько же лет, сколько тебе, жизнь моя была тяжёлой, я чуть было не попал в тюрьму, ходил уже по самому краю пропасти, но в один прекрасный день получил письмо от «пожизненника», потом второе, третье... Потом у нас завязалась переписка с ним и его письма удержали меня от последнего шага в пропасть, я перестал хулиганить, стал жить нормально, стал работать, потом встретил твою маму, мы поженились, и у нас родился ты. А ведь мог сгинуть безвестно в тюрьме как этот «пожизненник»... Так что я ему благодарен – он помог мне стать настоящим мужчиной!». В общем, дорогая Валерия Сергеевна, очень, очень хотелось бы, чтобы впоследствии и Ярослав и Алексей вспоминали бы меня добрым словом. Возможно, что именно так и будет, а возможно, что и нет, не будет.

Мне очень тяжело даются письма к Ярославу и Алексею. Какая-то сила мешает всякий раз, когда беру ручку, лист бумаги и пытаюсь донести свои мысли до ребят. Написал им по 10 писем. Но не чувствую морального удовлетворения. Видно, что-то не так пишу им. Или думаю о постороннем. Например, о том, что Господь дает мне второй шанс быть счастливым: дом, семья, работа. Но прежде нужно сдать серьёзный экзамен этим двум беспристрастным экзаменаторам – Ярославу и Алексею, за которыми стоит сам Господь. Сдам экзамен: эти ребята примут меня и прислушаются ко мне. Значит будет мне второй шанс. Не сдам – что ж, передача не предусмотрена.

Зачем человек живёт? В разные периоды жизни по-разному отвечаешь на этот вопрос. Пятнадцать лет назад я оказался в тюрьме, а мои мальчики только что родились. Большой частью эти 15 лет мои прошли бесцельно. У мальчиков жизнь тоже оказалась не сахар. И вот наши пути пересеклись. Зачем я живу? Сейчас – чтобы со многими другими помочь им вырасти нормальными людьми. Ярослав и Алексей прочно вошли в мою жизнь, каждый день молюсь за них об их здравии, чтобы Господь вразумил их и наставил на путь истинный. И буду молиться всю оставшуюся жизнь свою. Не хочу загадывать, как сложатся наши отношения, может они не согласятся через год (и потом) продолжать переписку. Может ещё что-то случится... Тем не менее, помнить о них я буду всегда.

На этом поставлю точку... Что написал, то написал, что осталось в уме, что не легло на бумагу, простите!

Мне кажется, что с Ярославом у меня сложились более доверительные отношения, чем с Алексеем. Хотя именно Алексей чаще пишет, но вроде не мне, а инопланетянину. У Ярослава письма более земные, что ли... Жаль, что нам нельзя с ними пообщаться вживую, подобная встреча сняла бы многие вопросы. А ведь у них последний год (да?) в интернате, потом они уйдут во взрослую жизнь, и рядом уже не будет воспитателей, психологов, инспекторов и прочих людей, ответственных сейчас за их жизни в детдоме. Сохрани их Господь в начале самостоятельного пути!

Ваш Алеша».

Письмо от Игоря Л.

3.01.2013

*Мы в ответе за тех, кого приручили.
Сент-Экзюпери «Маленький принц»*

«Здравствуйтесь, дорогая Валерия Сергеевна!

Когда мы «приручаем» кого-то, то волей-неволей прикипаем к этому существу душой или сердцем. Бывает, что и душой и сердцем. Ни один раз бывало такое, что страшные разбойники или злые пираты прикипали душой к своим пленникам, проявляли к ним сострадание, а потом и милосердие, делились с пленниками последним куском хлеба или кружкой воды.

В нашей ситуации нет ни разбойников, ни пленников, а есть мы – пожизненники и наши мальчики из иркутского детского дома. Нас неким образом связала судьба.

В тюрьму нас привел широкий тракт законнепослушания и цветистый букет самых страшных преступлений. Наши мальчиков привело в детдом пьянство, наркомания, разгильдяйство, нерадивость и безответственность их непутевых родителей. Наши мальчики практически тоже оказались в изоляции (в тюрьме для детей, в тюрьме с очень мягким режимом). Главное отличие между нами: мы в тюрьме по своим «делам» и преступлениям, а дети сидят в детдомах не по своей вине. В тюрьме каждый из нас «хлебнул» немало за долгие годы сидения. Но, к сожалению, и дети в детдомах переносят много ужасного и страшного – нет, не от взрослых, а от самих себя, от своей детской жестокости. О детской жестокости написано много. Вспомним хотя бы «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского или «Дети Кукурузы» Стивена Кинга. Марина Цветаева писала в 1910 г. М. Волошину, сравнивая его с детьми:

*«Вы дитя, а дети так жестоки –
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки...»*

К сожалению, детская жестокость не прекращается, когда, повзрослев, они покидают стены детдомов: жестокость следует за ними в мир. А их жестокий мир очень часто плавно переходит в тюремный мир. Результат: мальчики просто меняют детдомовский режим на строгий тюремный. Жестокость в тюрьме еще более изоцирует и «усовершенствует» их сердца. Разве не жаль этих мальчишек? Трудно не проявить к ним сострадание.

Я – Гоша, переписываюсь с Лешей П. (родился он 18 июля 1997 г.). В детдоме он с трех лет, то есть он находится в казенном учреждении двенадцать с половиной лет. Согласитесь, что двенадцать с половиной лет даже для заключенного – это солидный срок. Я всей душой и сердцем хочу, чтобы мой Леша после детдома не угодил в тюрьму. У меня трое взрослых детей. Меня бросает в холодный пот, если представляю себе, что мои дети оказались в детдоме, а тем более – в тюрьме! А чем Леша хуже их?

Кстати, он пишет мне намного чаще, чем родные дети, хотя он элементарно не умеет писать, у него нет навыка к эпистолярному

жанру, но его каракули так же дороги мне, как и аккуратный почерк родных детей.

Леша намного младше моих детей, но куда больше хлебнул горюшка, чем мои дети. Он с трех лет находится в детдоме, а мои старшие даже в садик не ходили, ибо всегда находились под заботой родителей, бабушек и дедушек. Только самый младший был отдан в садик.

Леша стал мне дорог. Я всегда относился к чужим осиротевшим детям серьезно. Я вовсе не намерен прекратить с ним переписку, когда он покинет стены детского дома. Буду продолжать «вести» его по жизни через письма, дабы он не попал под плохое влияние и не угодил в тюрьму.

У Леша есть родная мать (отец его умер два года назад). Мама посещает его в детдоме, но у меня сложилось такое впечатление, что Леша обижен на свою маму – видимо он вполне отдает себе отчет по чьей вине оказался в детдоме.

Я в первую очередь призываю Лешу, что мама – самый близкий его человек в этом земном мире, и что он должен найти в себе мужество и благородство простить ее.

Я практически не касаюсь религиозности – способности по-христиански прощать, ибо Леша в своей вере в Бога слишком начинающий и слишком поверхностный. Сейчас Леша возвращается в кругу своих сверстников. Не трудно догадаться какие советы они ему дают. Он как никогда нуждается в добрых советах, в дружеской поддержке, да и вообще в добрых словах.

Как грустно, но мы, заключенные, пожизненники, реально являемся огромными авторитетами для подобных мальчиков. А поскольку «уголовная романтика» слишком популярна в нашей стране, то не понятно у кого больше авторитета у нас, заключенных, или у кого другого? И, не дай Бог, подтолкнуть эти юные души на скользкую тропинку.

На своих собственных примерах мы стараемся показать мальчикам, что можно делать, а чего делать нельзя, что хорошо, а что плохо, что зло, а что добро. А по сему я должен очень серьезно и ответственно относиться к нашей переписке, к Леше, чтоб его, – не дай Бог, – не постигла моя участь. Здесь значим только один верный завет самому себе: относиться к Леше как к собственному ребенку, которому желаешь только счастья, мира, радости и безмерной любви как родительской так и Христовой. То, какие советы я дам Леше, может повлиять на выбор его жизненной дороги...

Разве эти несчастные мальчики детских домов не заслуживают лучшей участи? То, что они оказались в детских домах в конце XX века вина всех нас взрослых, ибо мы занимались всем и вся, но только не нашими детьми...

Любое человеческое общество настолько сложно, что в данном случае нельзя указать на конкретных людей и сказать: «Вот эти люди виновны в том, что дети остались сиротами». Блестяще по этому поводу сказал Ф.М. Достоевский: «Каждый за всех во всем пред всеми виноват».

Так что и я виноват, что в 2000 году Леша оказался в детдоме, хотя к тому времени я уже сидел семь лет. Но ведь именно я мог убить тех людей, которые в будущем могли сыграть положительную роль в Лешинной

жизни. А я их убил в 1992 – 1993 гг., когда совершил свои кровавые преступления. Я не только лишил этих людей земной жизни, но и лишил детей их возможного влияния, тем самым, нарушил... исторический ход событий. Потому-то любое убийство считается очень тяжким грехом в очах Божьих. Так что и я, и другие (убийцы) виноваты в том, что в конце XX века в нашей стране сотни тысяч детей оказались в детдомах. Всем нам понятно, что периодически эти несчастные мальчики и девочки по ночам горько рыдают в подушку, взывая к своим родителям, а то и к Богу! Что уже тут говорить о «детской слезинке» Федора Михайловича.

Начав переписку с Лешей, я отдавал себе отчет, что этот мальчик должен войти в мою жизнь и не только сейчас, когда он находится в детдоме, но и потом, когда выйдет из него и вступит во взрослый мир.

Гоша».

Письмо от Саши С.

«Дорогая Валерия Сергеевна!

Вот прошел уже год, как мы начали переписываться с мальчиками из детского дома. Я переписываюсь с Ромой.

Трудно сказать, описать чувства, какие возникают в моем сердце от нашей переписки. Эти чувства глубоки и тяжелы. Во мне – это чувство отцовства, которое я так и не сумел реализовать к своему сыну.

Понимаете, Валерия Сергеевна, Рома стал моим, частью моей души. Можно сказать – частью меня самого. Он для меня как сын для отца. Я переживаю и волнуюсь за него. Да, он «там», но он и здесь со мной, как мама, брат, супруга, малолетний сын Саша.*

Наши с Ромой письма – это общение. Его радости, удачи и огорчения – они и мои, сердцем сорадуюсь и сопереживаю. Сказать как влияет на меня общение с Ромой – трудно. Как можно описать влияние сына на отца или на мать? Пусть не родного, но все же уже близкого. Тем более Вы, Валерия Сергеевна, знаете мою семейную жизнь и непростые ее обстоятельства. Я жду, когда мой собственный малолетний сын Саша подрастет, чтоб мы могли общаться с ним в письмах.

Не знаю, как сложатся в дальнейшем мои отношения с Ромой... (может он забудет обо мне). Но теперешнее наше общение с ним я принимаю как Богом посланное в утешение об умершем сыне Ванюше и как «предвестника» в будущем общении с малолетним сыном Сашей.

Роман – это дитя, посланное мне Небесами в искупление моего греха немилосердия.

* Саша С. был женат, имел сына Ваню, который умер от болезни сердца, когда отец сидел в условиях пожизненного осуждения. Потом, тоскуя по сыну Ване и осужденному мужу Александру, его жена Анжела с согласия своего пожизненно осужденного мужа решила родить ребенка. Так на свет появился маленький Саша, который дорог осужденному Александру и зарегистрирован как его сын.

Когда родился Ваня в середине августа 1990 г., то ему сразу поставили диагноз: тяжелый порок сердца. Из роддома его сразу поместили в детскую больницу, чтоб подтвердить диагноз и поставить на учет. В палате, где лежала моя жена Анжела с Ванюшей, был еще один недавно родившийся мальчик, брошенный несовершеннолетней мамашей. Пока Анжела была там, она кормила грудью этого малютку, тем более, что Ваня не мог сосать грудь, задыхался. Говорят, что только что родившийся ребенок плохо видит, но во взгляде этого младенца было нечто «просящее милосердия». У нас возникло желание взять этого ребенка. Но мы побоялись – у нас самих на руках больной ребенок и полная неизвестность его судьбы. Сейчас, анализируя ту ситуацию, я больше склоняюсь и душой и сердцем, что надо было взять это дитя. Может не так бы сложились наши судьбы. И это дитя имело бы семью, а не казенный дом...

В продолжение темы Гоши о том, что мы виноваты перед этими детьми. У меня действительно глубокое ощущение прямой вины перед этими обездоленными, лишенными родительской любви детьми...

В двадцатых числах декабря мы получили письма от наших ребят. После писем к Вам сразу напишем им.

Да хранит Вас Бог!».

Я привела отрывки из трех писем ко мне трех моих подопечных, которые вот уже больше года душевно трудятся над удержанием непростых мальчиков от тяги к асоциальным проявлениям среди таких же как они подростков, мальчиков, которые живут сегодня в учреждениях интернатного типа.

Рефлексивные письма пожизненно осужденных ко мне, своему психологу, которого они хорошо знают много лет – *это колоссальный душевный труд людей, взявших на себя ответственность помочь своими предупреждениями и советами подросткам, не сформировавшим еще для себя тех ориентиров, которые могли бы определить их судьбу в пределах нормативной обыденной жизни.*

Рефлексии на себя самих пожизненно осужденных – многотрудная умственная и душевная работа.

Философы и ученые склонны к рассуждениям относительно гоминизации представителей рода человеческого. Многие мыслители определяли гоминизацию как способность к взятию на себя ответственности, пониманию долга перед людьми и самим собой (И. Кант, Ч. Дарвин и другие), многие определяли гоминизацию как способность к рефлексии (И. Кант, Г.В. Ф. Гегель, П. Тейяр де Шарден, С. Л. Рубинштейн и другие).

П. Тейяр де Шарден придавал особое значение *рефлексии человека на самого себя*. Он писал, что рефлексия человека – «это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, – способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь. Путем этой индивидуализации самого себя внутри себя живой элемент, до того распыленный и разделенный в смутном кругу восприятий и действий, впервые превра-

тился в точечный *центр*, в котором все представления и опыт связываются и скрепляются в единое целое, осознающее свою организацию» [6, с.110].

Мои подопечные, которые начали делать первые шаги к установлению позитивных отношений с подростками, склонными к асоциальным проявлениям, были весьма взволнованы: *будут ли готовы мальчишки-делинквенты общаться с пожизненно осужденными? Захотят ли подростки переписываться с сидящими в тюрьме?*

Осужденные пожизненно испытывали определённое напряжение – они побаивались отторжения от подростков...

Каждый из семи осужденных должен был избрать свой особый стиль общения, который вызвал бы у подростка интерес и готовность вступить в переписку.

Я хочу предложить первые письма тех моих подопечных, которые через год одарили меня своими рефлексивными письмами на себя и на своих юных адресатов.

Алексею В. (г. Иркутск) от Алексея Л. (п. Сосновка)
Письмо №1

18.12.2011

«Здравствуй, Алексей!

Меня тоже зовут Алексеем, а моё отчество Алексеевич, так что мы с тобой тёзки! Увидел твою фотографию и сразу решил тебе написать. Ты мне сразу понравился.

А пишу я тебе не из собственной квартиры, а из тюрьмы, в которую попал из-за совершённого преступления. Причём сижу не в обычной тюрьме, а в особо строгой, специально построенной для «пожизненников», то есть для тех преступников, которых вместо расстрела приговорили к пожизненному лишению свободы. И сидеть мне здесь всю свою оставшуюся жизнь... Представляешь? Зато по справедливости: я совершил преступление и меня наказали в полном соответствии с законом. Это и есть неотвратимость наказания: преступника всё равно поймут и посадят в тюрьму, как посадили меня, а таких, как я, здесь очень много, гораздо больше, чем твоих товарищей по играм. Я здесь многих видал, со всеми ними разговаривал, все они горько сожалеют о случившемся. Только пойми меня правильно: и я сам, и мои сокамерники сожалеем не о том, что милиция нас поймала и посадила в тюрьму, а о том мы переживаем и сожалеем, что совершили свои преступления. Ведь у каждого из нас, здесь сидящих, была возможность не делать зла, не совершать преступления, можно было отказаться от своих помыслов (замыслов) и не красть, не воровать, не грабить и не делать ничего противозаконного... Да, была такая возможность, но и я сам, и все остальные сидящие здесь зеки всё-таки переступили ту черту, что разделяет тюрьму и волю. И горько, очень горько сожалеем об этом!...

Многие думают: «А, авось меня не поймут!» Оказалось, что это не так, всех нас поймали посадили в тюрьму. Вернуть бы всё назад и не совершать мне своего преступления! Но увы! Прошлого не воротить.

Это невозможно!!! И сейчас я расплачиваюсь за все свои проступки, которые совершил.

Мой пример и примеры моих сокамерников очень хорошо и наглядно говорят о самом главном – о неизбежности наказания.

Алексей, поверь мне: в тюрьме очень плохо! Я бы всё отдал, чтобы вновь оказаться на свободе, а тюрьму забыть как страшный сон, но, (как я уже сказал тебе) это невозможно. Я наказан на всю свою оставшуюся жизнь. Скоро Новый год – для меня это грустный праздник. Все на свободе радуются, веселятся, гуляют, с горки катаются, а я буду сидеть в тюремной камере и никакой Дед Мороз ко мне не придёт, не подарит мне новогоднего подарка с конфетами...

Зато я тебя, Алексей, могу поздравить: с Новым годом тебя! Желаю тебе здоровья крепкого, успехов в учёбе, радости. Прими от меня вот эту небольшую открытку (вкладываю её в конверт вместе с письмом, надеюсь, что не потеряется в дороге). Пусть в новогодние дни этот Снеговик будет с тобой и пусть он будет напоминать тебе о чуде, которое всегда происходит в Новогоднюю ночь. Пусть сбудутся твои мечты! Пусть всё у тебя будет хорошо!

Алексей! Надеюсь, ты мне ответишь? Давай переписываться! Давай дружить, мне очень интересна твоя жизнь – чем занимаешься, куда ходишь, как проводишь дни, чем увлекаешься, как настроение. Жалко, у меня нет моей фотографии (в тюрьме нельзя иметь фотоаппарат), а то бы я тебе прислал свою фотографию. Ну, на этом пока всё. Пиши, буду ждать твоих писем, а ты жди моих.

До свидания! Алексей».

С новогодней открытки:

«Алексей!

С Новым годом тебя!

Пусть Новый год

В круженье снежинок

С добром и радостью придет,

Осуществит мечты, надежды

И много счастья принесет!

Поздравляю! Пусть все у тебя будет хорошо!

Алексей»

Ярославу С. (г. Иркутск) от Алексея Л. (п. Сосновка)

18.12.2011

Письмо №1

«Здравствуй, Ярослав!

С Новым годом тебя! Зовут меня Алексей. Я поздравляю тебя с Новым годом! Любому человеку важно знать и чувствовать, что он не одинок в этом мире, что где-то есть другой человек, которому твоя судьба окажется небезразличной.

Я – осуждённый, сижу в тюрьме, отбываю своё заслуженное наказание за совершённое преступление, срок у меня большой, а вернее будет сказать безразмерный – меня приговорили к пожизненному лишению свободы и теперь всю оставшуюся жизнь сидеть мне в тесной камере.

Но всё правильно: я нарушил закон, совершил преступление и меня наказали соответствующим образом. Это неизменяемый закон жизни – за совершаемые проступки следует неотвратимое наказание. Как бы я ни бежал, ни уклонялся, ни надеялся, что меня не поймают и, что я избегу наказания, в итоге правда всё равно оказалась сильнее: меня арестовали, осудили и посадили в тюрьму. И здесь я на собственной шкуре почувствовал как это ужасно, как это невыносимо и тоскливо.

Какой же я был безумец, что совершил своё преступление!

А ведь у меня, признаюсь тебе, Ярослав, была возможность не совершать преступления. Но увы! Я оказался слабым, не смог остановиться, не смог удержаться... В итоге меня посадили, причём в особую тюрьму, специально предназначенную для содержания таких как я, «пожизненников», то есть приговорённых к пожизненному лишению свободы. Как же мне горько от осознания своей вины!

Знаешь, Ярослав, есть такое крылатое выражение «Его совесть грызет» или «Он испытывал муки совести». Я раньше тоже думал, что просто красивые слова, а сейчас понимаю, что всё это правда, что совесть человека действительно умеет очень сильно мучить и приносить тяжёлые страдания. Сейчас мне очень хочется изменить своё прошлое, хочу вернуться обратно и хочу не совершить того преступления, которое совершил. Но ты и я знаем, что это невозможно. Теперь я расплачиваюсь за все свои поступки. Могу на собственном опыте сказать тебе, Ярослав, что наказание всегда настигнет человека. Действует принцип неотвратимости. Это закон жизни.

Вот так. Теперь ты имеешь некоторое представление обо мне.

Давай переписываться и ты узнаешь побольше обо мне, а я узнаю больше о тебе.

Твоя жизнь для меня действительно не безразлична, поверь в это. Мне интересно чем ты занимаешься, чем увлекаешься, любишь ли спорт, о чём мечтаешь? Вообще всё-всё-всё про себя пиши. Буду ждать.

Знаешь, Ярослав, как мне важно получать здесь, в тюрьме, письма с воли? Очень важно! Давай дружить! Пиши, задавай мне свои вопросы. Я на всё отвечу.

Хочу поздравить тебя с Новым годом! Как же тебе повезло: ты ёлку настоящую можешь увидеть, а Дед Мороз подарит тебе подарок! А у меня в тюрьме ни ёлки, ни Деда Мороза, вообще ничего не будет. Ты на свободе – и уже по одному этому я могу назвать тебя счастливым человеком!

Тюрьма – это очень и очень тяжело, плохо, а свобода – это счастье!!! Желаю тебе в Новом году крепкого здоровья, успехов в учёбе, желаю тебе стать настоящим человеком, настоящим мужчиной – сильным, смелым, храбрым и честным!

Ну всё, буду закругляться. Всего самого хорошего и доброго! До свидания!

Алексей».

С новогодней открытки:

«Ярослав!

Поздравляю

Чудесный слышен перезвон:

Пусть все мечты исполнит он

И много счастья принесет!

С Новым годом!»

Первые два письма Алексея к подросткам Алексею и Ярославу – удачное начало. Это честное заявление о совершенном преступлении, это признание неотвратимости наказания и это выражение горячего мечтания осужденного о возможной переписке с человеком с воли.

Совсем другую стилистику выбрал Игорь Л. Вот его письмо к подростку – тоже Алексею.

Алексею П. (г. Иркутск) от Игоря Л. (п. Сосновка)
Письмо №1

06.02.2012

«Привет, Леха!

Решил написать тебе, чтоб познакомиться поближе, и переписываться с тобой.

Я знаю, что ты живешь в Иркутске, в интернате (или в детском доме), что тебе летом будет 15 лет. Догадываюсь, что там вам живется не сладко... Пусть вас и кормят хорошо, и крыша над головой есть, но близкие, родные и друзья далеко. На душе становится тоскливо, хочется к ним.

Я нахожусь в Мордовии, это примерно 500 км на юго-восток от Москвы. Здесь, в Мордовии, много лагерей и зон. Я же сижу в «ПЛС», на пожизненном лишении свободы. За что дают пожизненно? В основном за убийство, а я такого натворил в Москве, что мне сначала вlepили «вышку», то есть смертный приговор. Потом помиловали на пожизненное. За последние годы мое зрение очень ухудшилось, и я практически ничего не вижу. За меня пишет мой сокамерник Саша. Здесь на ПЛС нас сидит полторы сотни таких гавриков как я.

Кстати, хотя меня и зовут Игорь, но все близкие и друзья называют меня Гоша. Можешь и ты меня так называть, потому что, я думаю, что мы с тобой станем друзьями.

Напиши, Леха, чем ты там занимаешься, кроме уроков? Есть ли у вас свободное время, с кем дружишь? Наши здесь шьют рукавицы, и даже получают за это деньги, правда небольшие, но на пончик с повидлом и на чай хватает. Иногда мы ходим гулять – в такие маленькие «дворики». Зимой я не хожу гулять, потому что боюсь поскользнуться и навернуться, а падать не шибко приятно, когда слепой, сам понимаешь. Когда

будет время, напиши мне, спрашивай, задавай вопросы, обязательно отвечу. Будь здоров.

Гоша».

Игорь Л. был учителем физики в школе... Однако амбиции и черные помыслы толкнули его на совсем другую дорожку. Игорь начитанный человек, он тяготеет к высоким помыслам. Но перед делинквентным подростком спасовал. В первом письме к мальчишке использовал полублатной жаргон. К мальчику обратился «Леха»! (Позже себя представит как «Гоша» и объяснит, что это *тюремное погоняло*). Использовал низкого уровня слова и обороты. Он, конечно, далек от примитивизма воровской речи, описанной в своё время Д. С. Лихачевым [7, с. 354 – 387], но Гоша постарался приблизиться к жаргонизму подростков, лишенных родительского попечительства. Эта его попытка психологически понятна. В обыденной речи Гоши со мной не было подобного уровня словоупотреблений...

Роману Н. (г. Иркутск) от Александра С. (п. Сосновка)
Письмо № 1

06.02.2012

«Привет, дорогой Роман!

Поздравляю тебя и всех ребят, которые с тобой рядом, с наступающим Новым 2012 годом и Рождеством Христовым! Желаю тебе и парням всего самого наилучшего и в новом году побольше добрых и спокойных дней!

Ну что, братишка, не буду кривить душой, хотелось бы переписываться с тобой. А с другой стороны, боюсь не будет ли тебе это в тягость? Мы оба с тобой люди подневольные – хотим ли мы того или нет, принимаем или нет. Короче, Ромка, будет желание пиши, я всегда рад письмам: весточка с другой стороны «забора» для меня это всегда в радость, да и писать люблю, это для меня как «вольная отдушина». Но... с почерком и ошибками у меня того... Ну не дружу я с грамматикой (чтобы написать это слово правильно: с двумя «м» или с одним, пришлось спрашивать у сокамерников, они у меня с высшими образованиями). Когда учился в школе, то мои мысли были заняты другим, так что ты уж не обессудь.

Про себя скажу тебе лаконично (кратко). Родом я с Украины. Начудил в Москве. Раскрутился на вышак (приговорили к расстрелу). Пару лет пробыл под ним, заменили на пожизненку. Из Москвы этапировали сюда, в Мордовские лагеря. Вот такой букет.

Весёлого мало, но как говорится: «Всё моё и всё своё ношу с собой». Но жизнь идёт, и если сам не создам условия для жизни, независимо от обстоятельств, то за тебя никто не будет создавать. Говорила мне мама: «Сынок, как постелишься, так и выспишься». Жестокая «постель» получилась, но что поделаешь, зато жизненным опытом проверенная подстилка и каждую вмятину знаешь.

Тебе, наверно, взрослые говорили: «Умный учиться на чужих ошибках, а дурак на своих». Как ты, брат, понял к «умным» я не отношусь...

Вот и пришлось на своём опыте познавать, что хорошо, а что плохо. Конечно, начни жизнь с начала, я бы не пошёл по криминальной стезе – тётушка Фортуна любит поприкалываться и очень дорого её приколы стоят.

Ну прикинь, Ромка, за мои «удачи» годы и годы неволи и, если бы хоть зона, а то постоянно камерная система – самостоятельно не выйдешь. Тут уже не надо Фортуны. Тут, дай Бог, не проклянуть всё на свете и, прикинь, срока то нету. Есть о чём подумать.

Только, Ром, не подумай, что «на жалость давлю» – «а что я иметь буду?» – как говорят в Одессе (хотя я не с Одессы) и не мне учить тебя жизни, скорее, ты меня научишь исходя из своей чистой души.

Наверное, улыбнулся от моих последних строк, но это правда, по сравнению с моей душой – вся в противоречии и грехах, твоя по детски ангельская, несмотря на то, что ты и горюшка хлебнул в достаток, несмотря на твои юные годы. Да и нынешняя жизнь на воле для меня относительно потёмки, может чем просветишь? <...>.

Короче, Рома, если будет желание, пиши, что на душе лежит: о себе, о птицах, да обо всём, спрашивай, что интересует, обязательно отвечу. Пройдут праздники напишу ещё.

Желаю тебе (и кто с тобой рядом в мире) хорошо встретить Новый Год!

Обнимаю по-братски, не унывай братишка...

Саша. Да хранит тебя Бог».

С новогодней открытки:

*«С Новым годом пацаны!
Мир Вам и час в радость!
Пускай подарит Дед Мороз
Мешок веселья, счастья воз,
Добра и смеха хоровод
И самый лучший Новый год!
Помним о вас, будьте здоровы!*

Узники ПЛС».

Александр С. – рабочий без высшего образования. Как и Игорь Л. он искал стиль общения с подростком, исходя из своих представлений и краткой справки о биографии самого Романа.

Мои подопечные исходили из своего видения лишь по фотографиям мальчиков, а также из их социально-психологического паспорта, составленного по материалам анамнеза, личных дел и рефлексий специалистов, работающих с делинквентными подростками.

Как бы то ни было, сделав первые шаги к общению с 12 подростками, мои семь осужденных пожизненно продолжают и через четырнадцать месяцев общаться посредством писем по сей день (март 2013 г.). Осужден-

ные пишут больше и чаще – для них реально значима связь с пацанами, которые имели в своей короткой жизни немало проблем. Осужденные пожизненно безусловно за год с лишним явно привязались к своим подопечным мальчишкам: они ищут добрые слова поддержки и безусловно стремятся предупредить подростков об ужасах наказания за преступления, а также об ужасе перед самым совершенным преступлением.

Рекомендации к общению осужденных с трудными подростками

1. *Найти естественные для каждого взрослого участника формы знакомства с подростками* (самопрезентация и стиль общения), *замотивировать подростка к общению* (показать значимость контакта через переписку подростка со взрослым, который отбывает столь тяжкое наказание; проявить готовность открыто и честно говорить о преступлениях и наказаниях; предупреждать об опасности тяжких поступков; отвечать на все вопросы подростков честно, без лукавства).

2. Первые письма должны уместиться на одном-двух листах бумаги, буквы должны быть прописаны каллиграфическим почерком; в правом углу должно быть проставлено число, месяц, год. Письма должны нумероваться для контроля их количества и единиц смысловых значений (идей, мыслей), которые адресуются подростку.

3. Важно интересоваться личными делами подростка, кругом его общения, его планами на будущее, мечтами. *Важно поддерживать подростка в его позитивных намерениях и побуждать перейти от мечты к активному исполнению желаемого.*

Весьма значимо объяснить, что у каждого подростка *должна быть сформирована внутренняя позиция* в отношении к своей жизни и к способам осуществления замыслов.

4. При знакомстве с подростком правильно называть себя по реальному имени, не обязательно указывать свой возраст, не следует писать о реально совершенном преступлении – ведь подросток и так понимает, что пожизненное дают за тяжкие преступления.

5. Искренне предупреждать о том, что за преступление следует наказание.

Подбор кандидатов из числа пожизненно осужденных для их работы с трудновоспитуемыми подростками осуществляли: начальник участка ПЛС – полковник Сергей Валентинович Канаев; психологи: д. психол. н. В. С. Мухина, к. психол. н. Л. М. Проценко.

Общий контроль хода проекта, описание и обоснование всех этапов проведения психологического сопровождения, проведение рефлексивных бесед с обеими сторонами включенными в проект, подведение итогов осуществляют: В. С. Мухина, В. С. Басюк.

Начало практической работы в рамках проекта: 15.12.2011 (проект рассчитан на три года по 15.12.2014).

Проект должен осуществляться в три этапа.

1 этап: Установление контакта и формирование мотивации к общению.

2 этап: Продуктивное общение с целью влияния на ценностные ориентации, мотивацию и поведение трудных подростков.

Участники проекта – пожизненно осужденные будут пользоваться консультациями психологов и искать самостоятельные пути установления доверительных отношений с подростками с целью предупреждения или прекращения противоправного асоциального поведения.

3 этап: Подведение итогов (психологи). Прощальные добропожелания подросткам (осужденные).

Для эффективной работы осужденных с трудными подростками проект должен обеспечить участников специальной литературой и консультациями.

Все подростки получили книгу, посвященную тем пожизненно осужденным, с которыми они переписываются в настоящее время (Мухина В. С. Отчужденные: Абсолют отчуждения: 2-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010).

Каждый из подростков получает возможность читать и размышлять: о психологических состояниях человека в момент преступления; о последствиях преступлений происходящих с человеком в социальном пространстве и внутри собственной души; об измененном сознании, рожденном преступлением; о динамике психических состояний находящихся в узах; о возможности доверительного общения; о метаморфозах переживаний пожизненно осужденных; о тяге осужденных к Богу: их размышления о прилогах, помыслах и проступках; о потребности осужденных к духовному возрождению. Рефлексируя на сюжеты книги, подростки могут лучше прочувствовать ужас и неизбежность наказания и, одновременно, через общение с осужденными посредством переписки проникнуться пониманием неизбежности сурового наказания и, одновременно, взрастить в себе способность к сочувствию к несчастной доле осужденного.

1. Мухина В. С. Отчужденные: Абсолют отчуждения: 2-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.

2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд: Пер. с франц. – М., 1994.

3. Мертон Р. Аномия // Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: Пер. с англ. – М.; 2001. – С. 31.

4. Василевский Л. М. Беспорядочность и дети улиц: 2-е изд., доп. и исправл. Без города, 1925.

5. Мухина В. С., Басюк В. С. Проект программы психологического сопровождения подростков, лишенных родительского попечительства // Развитие личности. – 2011. – № 4. – С. 167–183.

6. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Пер. с франц. – М., 2001.

7. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерного-блатного жаргона. – М., 1992. – С. 355 – 398.
